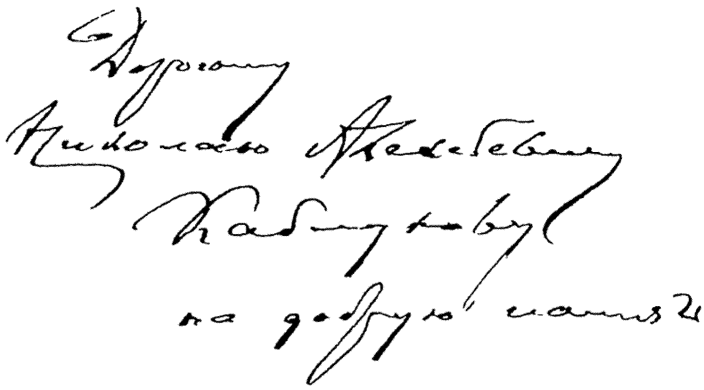

Земская статистика и статистическая методологія[1]).

Кто не имѣетъ представленія о земской статистикѣ, этомъ единственномъ въ своемъ родѣ источникѣ точныхъ свѣдѣній для изученія нашей народной жизни, источникѣ которымъ позволяетъ заглянуть въ глубочайшіе тайники экономической и соціальной жизни русскаго крестьянства? Кто не знаетъ этого въ полномъ смыслѣ слова нерукотворнаго памятника, который воздвигла себѣ русская, по преимуществу народнически-настроенная, интеллигенція въ образѣ сотенъ томовъ земскихъ статистическихъ сборниковъ? Кто не признаетъ огромныхъ заслугъ творцовъ и руководителей нашей земской статистики, которыя приходится цѣнить тѣмъ выше, что вѣдь работать имъ приходилось въ мыслимо неблагопріятной внѣшней обстановкѣ, подъ гнетомъ сыпавшихся какъ изъ рога изобилія, административныхъ запрещеній, неутвержденій и удаленій, что и правительство, и нерѣдко земство, казалось бы, заинтересованныя въ возможно всестороннемъ изученіи народной жизни, всѣми мѣрами старались ввести работу земскихъ статистиковъ въ самые тѣсные предѣлы, расширять которые приходилось чуть-чуть что не уѣздной. Много горя и бѣдъ пришлось претерпѣть неутомимымъ изслѣдователямъ народной жизни, но жизнь дала имъ и немало удовлетворенія, такимъ удовлетвореніемъ для земской статистики и земскихъ статистиковъ былъ уже тотъ фактъ, что когда правительству понадобились изслѣдованія народной жизни въ обширномъ Зауральѣ, оно обратилось за людьми и программами не въ свои статистическія канцеляріи, а къ тонкимъ и тѣснимой земской статистикѣ съ нея были скопированы программы изслѣдованій, изъ среды земскихъ статистиковъ были взяты руководители цѣлаго ряда статистическихъ предпріятій

Но не объ этомъ я хочу говорить въ настоящемъ очеркѣ. Мнѣ хочется остановиться на томъ значеніи, какое имѣетъ земская статистика,

---

[1]) Доложено, въ значительно сокращенномъ видѣ, въ подсекціи статистики XII съѣзда естествоиспытателей и врачей.

или, говоря шире, организованная по земскому типу русская статистика крестьянскаго хозяйства, съ болѣе общей точки зрѣнія—съ точки зрѣнія статистической методологіи,—вопросъ, до сихъ поръ оставшійся очень мало разработаннымъ. Сколько мнѣ извѣстно, собственно этого вопроса касаются только А. А Русовъ въ докладѣ первому изъ съѣздовъ русскихъ статистиковъ и Н А Каблуковъ въ своихъ литографированныхъ лекціяхъ Официальные представители нашей статистической науки, если не считать упомянутаго только что проф Каблукова, либо совершенно не касаются данной стороны вопроса, либо ограничиваются немногими пренебрежительными замѣчаніями по поводу „увлеченій" земской статистики,—увлеченій, дѣйствительно, во многомъ противорѣчащихъ выработанному на Западѣ методологическому шаблону. Между тѣмъ мнѣ думается, что заслуги въ данномъ направленіи русской статистики крестьянскаго хозяйства чрезвычайно велики и что указанія русской, по преимуществу земской, статистической практики дають матеріалъ для серьезной провѣрки, вѣроятно дополненія, а можетъ быть и исправленія цѣлаго ряда положеній нѣсколько заѣмленѣлой, выработавшейся на односторонне подобравшихся образцахъ, статистической методологіи

Я не имѣю въ виду исчерпать здѣсь поставленнаго мною вопроса; я коснусь только того, что̀ даетъ земская статистика для методологіи переписей, оставляя въ сторонѣ такіе вопросы, какъ табличная обработка массоваго статистическаго матеріала, какъ постановка выборочныхъ изслѣдованій, какъ бюджетныя изслѣдованія, урожайная статистика и т. п,—все области, въ которыхъ русская земская статистика также немало сдѣлала для общей статистической методологіи.

Основной вопросъ—это, конечно, вопросъ о *возможномъ объемѣ* и необходимыхъ, вытекающихъ изъ существа статистическаго метода *предѣлахъ* статистическаго наблюденія *Что̀ можно* и *чего нельзя* изучать при помощи массоваго наблюденія? какіе вопросы слѣдуетъ и какихъ не слѣдуетъ включать въ статистическія программы? И вотъ, еще отецъ современной статистики, знаменитый Кетле, установилъ на этотъ счетъ общія правила, пользующіяся признаніемъ и досегѣ: „требовать отъ спрашиваемыхъ лицъ только такихъ свѣдѣній: 1) которыя безусловно необходимы для цѣлей данной статистической операціи и 2) которыя навѣрно можно получить". Есть еще и третье правило—избѣгать такихъ вопросовъ, которые могутъ вызвать у населенія опасенія или подозрѣнія. Это третье правило, какъ вѣрно отмѣчаетъ проф. Каблуковъ, совершенно невыполнимо практически,—нѣтъ, въ концѣ-концовъ, вопроса, который не могъ бы кому-нибудь показаться опаснымъ или подозрительнымъ! почему мы дальше на немъ останавливаться не будемъ. Что касается до первыхъ двухъ, то они, казалось бы, совершенно безспорны:

кто, въ самомъ дѣлѣ, станетъ собирать свѣдѣнія, въ которыхъ нѣтъ необходимости, или такія, которыхъ получить нельзя?... Но безспорны они, въ сущности, въ силу своей полной безсодержательности: вѣдь въ томъ-то именно и вопросъ, *какія* свѣдѣнія нужны и какія ненужны для цѣлей данной статистической операціи, *какія* свѣдѣнія можно и какихъ нельзя разсчитывать получить; и на эти вопросы каждый, пріемля въ принципѣ формулу Кетле, можетъ дать и каждый даетъ тотъ или другой отвѣтъ. Съ увѣренностью можно, однако, сказать одно: что объемъ *желательнаго* въ данномъ случаѣ несравненно шире предѣловъ *возможнаго* по условіямъ статистической техники: мы въ состояніи подвергнуть массовому наблюденію лишь ничтожную долю тѣхъ явленій и тѣхъ признаковъ явленій, статистическій учетъ которыхъ былъ бы желателенъ и необходимъ. Совершенно естественно, что статистическая теорія оставила почти безъ разработки первое изъ двухъ правилъ Кетле, касающееся предѣловъ желательнаго, и тѣмъ болѣе вниманія посвятила второму, иначе сказать, вопросу о предѣлахъ *возможнаго* для статистическаго наблюденія. И этому второму правилу современная статистическая методологія даетъ, выражаясь языкомъ юристовъ, весьма ограничительное толкованіе. „Только тотъ признакъ,—говоритъ первый русскій авторитетъ по этой части, покойный Янсонъ,—можетъ быть опредѣленъ при массовомъ наблюденіи, который очевиденъ и несомнѣненъ и наличность котораго легко можетъ быть повѣрена,—причемъ наблюдатель долженъ быть избавленъ отъ произнесенія сужденія о предметѣ наблюденія, долженъ быть поставленъ въ состояніе возможности не только легко и просто опредѣлить данный признакъ, но и повѣрить показаніе“. Еще точнѣе и въ то же время уже формулируетъ предѣлы возможнаго для статистическаго наблюденія одинъ изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ теоретиковъ, проф. Борткевичъ: какъ на одну изъ существеннѣйшихъ особенностей статистическаго метода онъ указываетъ на то, что „регистрируются признаки внѣшніе, легко распознаваемые, относящіеся къ настоящему, а изъ относящихся къ прошлому такіе, которые сохранили видимый слѣдъ въ настоящемъ“. Приведу только одинъ примѣръ, показывающій, какъ далеко заходятъ въ такого рода „ограничительномъ толкованіи“,—именно вазову извѣстнаго нѣмецкаго экономиста и статистика проф. Конрада, возстающаго противъ включенія въ нормальную программу переписей населенія даже такихъ вопросовъ, какъ физическіе недостатки или безграмотность: первое, по его мнѣнію, безцѣльно, потому что „вопросъ ставится 50 милліоновъ разъ, и получается нѣсколько сотъ отвѣтовъ“; во второмъ случаѣ точная регистрація едва ли осуществима, такъ какъ невозможенъ достаточный контроль. Правда, въ данномъ случаѣ Конрадъ стоитъ довольно одиноко, и отвергаемые имъ вопросы даже включены статистическими конгрессами въ число

такъ называемыхъ „обязательныхъ“ вопросовъ программы народныхъ переписей. Но если Конрадъ является, такимъ образомъ, преувеличенно-послѣдовательнымъ представителемъ проводимаго теоріею стремленія „избѣгать всякаго перегруженія статистическихъ программъ вопросами“, то во всякомъ случаѣ многіе считаютъ, что при составленіи статистической программы слѣдуетъ ограничиваться „такими вопросами, на которые легко можетъ получиться отвѣтъ въ простѣйшей формѣ „да“ или „нѣтъ“, безъ опасности недоразумѣній“. Съ этой точки зрѣнія такіе компетентные теоретики, какъ Георгъ Майръ, признаютъ „чрезмѣрнымъ“ даже то количество вопросовъ, какое включается въ программы городскихъ переписей, въ видахъ „возможно полнаго знакомства съ характеромъ населенія и съ условіями его жизни“.

Но программы городскихъ переписей по детальности и содержательности—ничто по сравненію даже съ умѣренно-подробными программами русскихъ, организованныхъ по земскому типу, переписей крестьянскаго хозяйства. Въ нормальную программу такой переписи входитъ, прежде всего, подробнѣйшій перечетъ, такъ сказать, статистическихъ элементовъ каждой хозяйственной единицы—крестьянскаго двора: рабочаго и потребительнаго состава въ связи съ грамотностью и школьнымъ образованіемъ, съ одной стороны, съ наймомъ и промыслами, съ другой; живого и мертваго инвентаря, землевладѣнія и землепользованія, въ связи съ арендою и сдачею земли, запашки съ распредѣленіемъ по характеру посѣвовъ и вообще по способамъ использованія пахотной площади, и т. п. А затѣмъ, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, программы многихъ, если не большинства, современныхъ земскихъ переписей обнимаютъ еще и признаки, долженствующіе характеризовать динамику крестьянскаго хозяйства,—признаки, которые съ извѣстнымъ правомъ можно подвести подъ общую характеристику бюджетныхъ или приходо-расходныхъ; таковы покупка и продажа хлѣба, скота и т. п.; размѣры заработковъ отъ продажи или, наоборотъ, расхода на наемъ рабочей силы; урожаи хлѣбовъ, количество накошеннаго съ разнаго рода сѣнокосныхъ угодій сѣна, годовая выработка въ промыслахъ кустарнаго типа, нищенство, задолженность и т. п. Программа подворной переписи земскаго типа—это, въ видѣ правила, обширный формуляръ, съ сотнями графъ и клѣтокъ, содержащихъ иногда такіе вопросы, которые поражаютъ своею сложностью и замысловатостью, нерѣдко и своею кажущеюся ненужностью, своимъ совершеннымъ несоотвѣтствіемъ даже первому изъ знаменитыхъ правилъ Кетле. Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть „безусловная необходимость“ включать въ программу подворнаго опроса такія стороны хозяйственной жизни, которыя могутъ быть выяснены помимо переписи, несравненно болѣе простыми и легкими пріемами? Къ чему спрашивать каждаго домохозяина о размѣрахъ

внѣнадѣльной аренды, если аренда—общественная, и разверстка арендуемой земли между общественниками производится по одному опредѣленному принципу? Зачѣмъ спрашивать отдѣльныхъ крестьянъ о такихъ техническихъ признакахъ земледѣльческаго хозяйства, какъ отношеніе посѣвной площади къ пару и залежи, распредѣленіе посѣвовъ по хлѣбамъ, удобреніе и т. п., при крайнемъ однообразіи крестьянской земледѣльческой техники? Зачѣмъ спрашивать каждаго отдѣльнаго крестьянина о продажныхъ и покупныхъ цѣнахъ хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, когда вѣдь цѣны, очевидно, стоятъ на одномъ общемъ уровнѣ не только для всего селенія, но даже для цѣлаго болѣе или менѣе обширнаго района? Во всѣхъ этихъ случаяхъ, казалось бы, вполнѣ возможно обойтись общимъ анкетнымъ опросомъ, не „перегружая“ переписи балластомъ ненужныхъ вопросовъ. А между тѣмъ въ дѣйствительности включеніе подобнаго рода вопросовъ въ программу подворной переписи можетъ дать совершенно новое, несравненно болѣе полное и жизненное, нерѣдко неожиданное освѣщеніе статистически изучаемымъ явленіямъ. Подворный опросъ о размѣрахъ участія въ пользованіи совмѣстно-арендуемою землею можетъ выяснить, напримѣръ, фиктивный характеръ заключенной отъ имени общества аренды, въ дѣйствительности являющейся лишь прикрытіемъ для фактической аренды небольшого числа зажиточныхъ домохозяевъ. Подворный опросъ относительно признаковъ, характеризующихъ систему полеводства и сѣвооборотъ, размѣровъ навознаго удобренія, характера земледѣльческихъ орудій не только позволяетъ конкретизировать и уяснить многое, что иначе оставалось бы темнымъ и расплывчатымъ, напримѣръ, различныя, въ зависимости отъ почвы и степени земельнаго простора, разновидности залежныхъ и даже трехпольнаго сѣвооборота, дѣйствительную степень распространенности унаваживанія и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность установить опредѣленныя различія въ техникѣ у состоятельныхъ и бѣдныхъ, вообще у различныхъ категорій населенія. Подворный опросъ о покупкѣ и продажѣ хлѣба—единственный способъ опредѣленно выяснить потребительное значеніе земледѣлія—можетъ ли оно прокормить населеніе, и если да, то какое значеніе для разныхъ группъ домохозяевъ имѣетъ продажа излишковъ хлѣба,—при общихъ опросахъ чаще всего не удается добиться ничего, кромѣ сбивчивыхъ и неопредѣленныхъ показаній, вродѣ: „все только переворачиваемся,—съ осени, на нужду, пожалуй, и продашь сколько-нибудь хлѣба, а весной его обратно купишь“. А совершенно, казалось бы, безцѣльный подворный опросъ о цѣнахъ покупокъ и продажъ даетъ чрезвычайно важныя указанія относительно потерь, которыя несетъ крестьянская бѣднота, съ осени задешево продающая хлѣбъ, а весною покупающая его обратно по дорогой цѣнѣ,—потерь, которыя она тер-

питъ при каждой продажѣ, по сравненію съ болѣе состоятельными элементами, имѣющими возможность выжидать хорошихъ цѣнъ.

Примѣры эти можно было бы продолжить почти до безконечности,—существенный ихъ смыслъ, очевидно, въ томъ, что детальная программа хозяйственной переписи позволяетъ *конкретизировать* получаемыя статистическія данныя, даетъ возможность получить понятіе о *реальномъ, жизненномъ* характерѣ многихъ изъ такихъ явленій, о которыхъ безъ этого можно было бы составить себѣ лишь слишкомъ общія, схематическія представленія.

Сказаннымъ, однако, дѣло не ограничивается,—едва ли не важнѣе, собственно съ методологической точки зрѣнія, огромное *контролирующее* значеніе детальныхъ, „перегруженныхъ" программъ хозяйственной переписи. Въ противность теоріи, которая учитъ, что статистическій опросъ можетъ дать благопріятные результаты только при ничтожномъ числѣ задаваемыхъ вопросовъ, отвѣты на которые „навѣрно можно получить", практика нашихъ хозяйственныхъ переписей земскаго типа видитъ гарантію достовѣрности свѣдѣній въ пополненіи программы переписи болѣе или менѣе значительнымъ числомъ конкретизирующихъ и въ то же время взаимно контролирующихся вопросовъ, многіе изъ которыхъ, по своему характеру, безконечно далеки отъ второго требованія Кетле, особенно въ приданномъ ему позднѣйшими теоретиками ограничительномъ толкованіи. „Поставьте крестьянину,—говоритъ одинъ изъ наиболѣе сдѣлавшихъ въ данномъ направленіи земскихъ статистиковъ Ф. А. Щербина [1]),—общій вопросъ о качествѣ почвы и урожайности, и вы услышите, что въ данномъ обществѣ у крестьянъ собственно и почвы-то нѣтъ,—черноземъ, какъ пушокъ, прикрываетъ всего на два вершка глинистыя и другія малоцѣнныя образованія, а урожаи бываютъ такъ низки, что крестьяне ежегодно не собираютъ даже сѣмянъ, затраченныхъ на посѣвы. Но попробуйте конкретизировать вопросъ (что̀ достигается какъ разъ путемъ введенія соотвѣтственныхъ пунктовъ въ подворную перепись! А. К.),—получаются совершенно иные результаты: оказывается, что въ такомъ-то урочищѣ у крестьянина отведена первосортная земля, что глубина чернозема здѣсь по меньшей мѣрѣ аршинъ или три четверти и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянинъ сообщаетъ конкретныя данныя о томъ, сколько копенъ того или другого хлѣба было поставлено на извѣстномъ количествѣ сажней и какой умолотъ дала копна, такъ что простой ариѳметическій расчетъ сразу показываетъ такую высоту урожая, отъ которой обыкновенно открещиваются и весь сходъ и отдѣльные его члены при общей постановкѣ вопроса". Или другой

---

[1]) „Сводн. сборникъ стат. свѣдѣній по Воронежской губ.", съ обширнымъ, чрезвычайно интереснымъ методологическимъ введеніемъ.

примѣръ: спросите крестьянъ въ общей формѣ о значеніи для нихъ, положимъ, рыболовства или какого-нибудь иного промысла,—чаще всего получится отвѣтъ, вродѣ: „такъ только, время проводимъ“, или: „какой у насъ промыселъ,—развѣ въ воскресенье на пирогъ наловишь рыбы“; между тѣмъ отвѣты на конкретно поставленный каждому домохозяину вопросъ: сколько *онъ* продалъ изъ наловленной рыбы, сколько *онъ* заработалъ отъ того или иного промысла, способны, особенно при тѣхъ способахъ внутренняго и внѣшняго контроля, о которыхъ намъ придется говорить ниже, если не съ совершенною точностью, то съ достаточнымъ приближеніемъ, выяснить роль каждаго даннаго промысла въ хозяйственной жизни различныхъ элементовъ населенія. Я подчеркиваю—въ хозяйственной жизни *различныхъ элементовъ*, потому что есть промыслы, обслуживаемые преимущественно бѣднотою, другіе фактически монополизированы зажиточными домохозяевами: потому что отношеніе къ промысламъ, наприм., въ Сибири, недавно водворившихся новоселовъ или ссыльныхъ совершенно иное, нежели старожилаго населенія,—все это можетъ быть выяснено съ достаточною достовѣрностью только при включеніи вопроса о размѣрахъ промысловыхъ заработковъ въ программу подвориаго опроса.

Другое существенное преимущество детальной программы подвориаго опроса, стремящейся освѣтить всѣ стороны крестьянскаго производительно-потребительнаго хозяйства,—это *несравненно большій интересъ*, возбуждаемый такого рода опросомъ среди опрашиваемаго населенія,—интересъ, въ свою очередь являющійся однимъ изъ немаловажныхъ условій успѣха статистическаго наблюденія. Опросъ по краткой, такъ сказать, инвентарной программѣ ничѣмъ не отличается, въ глазахъ населенія, отъ тѣхъ безчисленныхъ списковъ, которые по разнымъ поводамъ составляются волостными писарями, вообще низшею мѣстною администраціею, и встрѣчаетъ съ его стороны такое же индиферентно-отрицательное отношеніе—„пишутъ, молъ, чего-то“... Напротивъ, перепись разсматриваемаго типа—это нѣчто выходящее изъ ряда каждодневныхъ явленій деревенской жизни и уже потому возбуждающее въ населеніи особый интересъ. „Наибольшій интересъ,—говоритъ тотъ же Ф. А. Щербина,—возбуждался общимъ освѣщеніемъ каждаго хозяйства съ помощью учета важнѣйшихъ признаковъ, характеризующихъ особенности отдѣльныхъ хозяйствъ. Простыя, обыденныя явленія, частью интересныя сами по себѣ, а частью успѣвшія намозолить вниманіе крестьянъ своею будничною прозаичностью, вдругъ получали въ сопоставленіи опытнаго статистика особое освѣщеніе, выражая собою нѣчто цѣльное, законченное и глубоко интересное“; самъ статистикъ-регистраторъ изъ простого „писаря“, составляющаго какіе-то списки для какихъ-то невѣдомыхъ начальственныхъ цѣлей, превращается, въ глазахъ крестьянъ, въ чело-

вѣка, дѣйствительно интересующагося крестьянскимъ житьемъ-бытьемъ и близко знающаго это житье-бытье. Населеніе, говоря словами Н. А. Каблукова, „заражается этимъ интересомъ“, и такимъ образомъ несомнѣнная—употребляя англійскій терминъ—„инквизиторіальность“ многихъ вопросовъ, иначе сказать, то „залѣзаніе въ душу“ опрашиваемаго, которое, казалось бы, должно возбуждать особое недовѣріе и подозрительность, создаетъ, напротивъ, существенный стимулъ, побуждающій крестьянъ охотнѣе итти навстрѣчу стараніямъ опрашивающаго статистика.

Но самое существенное преимущество такого рода расширеннаго и углубленнаго подворнаго опроса, собственно съ методологической точки зрѣнія,—это *взаимный контроль* между отдѣльными вопросами программы и открывающаяся отсюда широкая возможность внутренней провѣрки получаемыхъ показаній. „Регистраторъ,—говоритъ тотъ же Ф. А. Щербина,—въ силу построенія программы и условій работы, долженъ былъ постоянно держаться въ кругѣ понятій, взаимно связанныхъ между собой и дополняющихъ другъ друга. Крестьяне, сообщавшіе свѣдѣнія, благодаря той же связи между отдѣльными явленіями, легче припоминали разрозненные случаи изъ практики своего хозяйства и—что главное—осмысленнѣе относились къ самой переписи: въ однихъ случаяхъ нельзя было сказать неправду, въ другихъ—нелѣпыя показанія сами себя обнаруживали“, а изъ этого „самъ собою вытекалъ контроль однихъ признаковъ другими, заставлявшій одинаково и регистратора, и крестьянина, дававшаго показанія, заботиться о наибольшей точности регистраціи и объ учетѣ самыхъ незначительныхъ мелочей и частностей“. Регистрируемыя при переписи явленія хозяйственной жизни „слѣдовали одни за другими, какъ длинная цѣпь отдѣльныхъ звеньевъ“ одного органически спаяннаго цѣлаго—крестьянскаго производительно-потребительнаго хозяйства. Рабочій составъ семьи долженъ былъ оказаться въ опредѣленномъ соотношеніи, съ одной стороны, съ посѣвною площадью, съ другой—съ наймомъ или отпускомъ рабочей силы; величина посѣвной площади, при данномъ потребительномъ составѣ семьи, должна была оказаться, опять-таки, въ опредѣленномъ соотношеніи съ покупкою или продажею хлѣба; „при учетѣ денежнаго баланса сначала записывались расходы по хозяйству, а потомъ доходы...; свѣдѣнія о расходахъ крестьяне сообщали и припоминали съ большею охотой, чѣмъ свѣдѣнія о доходахъ; но затѣмъ, показавъ извѣстную совокупность расходовъ, опрашиваемый волей-неволей долженъ былъ показать и соотвѣтственную сумму источниковъ дохода“. Отвѣты на каждый изъ вопросовъ сложной программы хозяйственной переписи земскаго типа находили себѣ такимъ образомъ перекрестную повѣрку въ отвѣтахъ на другіе вопросы, и въ конечномъ результатѣ расширенная и углубленная программа земской

хозяйственной переписи, такъ безконечно далеко уклоняющаяся отъ ограничивающихъ требованій статистической методологіи, „въ одно и то же время и заставляла регистратора, обдуманно размышляя, соображая, сопоставляя и связывая отдѣльныя явленія, вести перепись, и облегчала крестьянину дачу показаній путемъ такихъ конкретныхъ сопоставленій и ассоціаціи признаковъ“, и взаимною провѣркою послѣднихъ гарантировала максимальную внутреннюю достовѣрность показаній. Такая программа дастъ регистратору необходимые критеріи для сужденія о достовѣрности отдѣльныхъ показаній, и взаимною провѣркою послѣднихъ обезпечиваетъ ихъ максимальную внутреннюю достовѣрность. Вдаваясь въ такія области, гдѣ не могло быть рѣчи о регистраціи однихъ только „внѣшнихъ, легко распознаваемыхъ признаковъ“, обнимая множество такихъ вопросовъ, которые—опять-таки вопреки требованіямъ статистической методологіи—открывали широкій просторъ „сужденію“ и соображенію наблюдателя и, казалось бы, исключали возможность повѣрки показаній, расширенная и углубленная программа земскихъ хозяйственныхъ переписей на мѣсто отсутствующаго или во всякомъ случаѣ недостаточнаго внѣшняго контроля ставитъ взаимный внутренній контроль, который, при соотвѣтственной организаціи дѣла, даетъ возможность получать достаточно достовѣрныя свѣдѣнія о самыхъ интимныхъ сторонахъ крестьянскаго хозяйства.

Я сказалъ: *при соотвѣтственной организаціи.* Дѣло въ томъ, что организаціонная сторона дѣла стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ програмной стороны, и потому русская земская статистика, занявъ совершенно особое положеніе въ отношеніи объема и предѣловъ массоваго наблюденія, неизбѣжно должна была выработать для послѣдняго и подходящій механизмъ.

Въ основѣ статистическаго наблюденія лежатъ обыкновенно показанія населенія. По способу полученія этихъ показаній различаютъ два главнѣйшихъ типа или способа организаціи статистическаго наблюденія: непосредственный *опросъ* и такъ называемое *самосчисленіе*. Въ первомъ случаѣ населеніе словесно отвѣчаетъ на вопросы, предлагаемые агентами статистической организаціи, которые заносятъ получаемыя показанія въ статистическіе формуляры. Во второмъ—отвѣты на вопросы программы даются населеніемъ въ письменной формѣ; роль счетчиковъ сводится къ раздачѣ формуляровъ и полученію ихъ обратно; попутно счетчики производятъ нѣкоторую, по преимуществу внѣшнюю, провѣрку записей, пополняютъ тѣ изъ нихъ, которыя явно дефектны, и исправляютъ тѣ, которыя явно несообразны, а въ случаяхъ чьихъ-либо безграмотности или нежеланія заполнить формуляръ счетчики дѣлаютъ это сами на основаніи словесныхъ показаній. Какой же изъ этихъ двухъ способовъ или типовъ организаціи статистическаго наблюденія заслужи-

ваетъ предпочтенія? Статистическая методологія категорически разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу способа самосчисленія. По словамъ Майра, это „методъ, съ успѣхомъ примѣняемый при новѣйшихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ“,—это „современный“ способъ, въ противоположность „старому“ или устарѣлому опросному: по Конраду, самосчисленіе—единственный способъ, дающій достаточныя гарантіи достовѣрности,—единственный вообще, удовлетворяющій современнымъ требованіямъ. Превосходство способа самосчисленія—въ глазахъ западноевропейскихъ теоретиковъ нѣчто вродѣ аксіомы, которую признается почти излишнимъ мотивировать и обосновывать,—но суть дѣла несомнѣнно въ томъ, что выражающееся въ дачѣ письменныхъ отвѣтовъ болѣе активное участіе населенія въ дѣлѣ массоваго наблюденія повышаетъ общій интересъ къ этому дѣлу, являющійся однимъ изъ существенныхъ условій успѣха статистическаго наблюденія.

Само собою разумѣется однако, что о превосходствѣ и даже вообще о примѣнимости способа самосчисленія можетъ быть рѣчь лишь при болѣе или менѣе всеобщемъ распространеніи и болѣе или менѣе высокомъ, такъ сказать, качественномъ уровнѣ грамотности. Даже такой сторонникъ способа самосчисленія, какъ Конрадъ, оговариваетъ, что преимущества этого способа остаются въ силѣ „лишь для наиболѣе культурныхъ странъ, гдѣ искусство писанія предполагается общераспространеннымъ“. И уже поэтому, естественно, русская статистическая практика не могла безъ оговорокъ стать въ разсматриваемомъ вопросѣ на ту же точку зрѣнія, на какой стоятъ западно-европейскіе теоретики.

Но вопросъ, конечно, отнюдь не сводится къ одному только „искусству писанія“, иначе сказать, къ простой грамотности населенія,—не менѣе существенное значеніе имѣетъ и объемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя должно дать статистическое наблюденіе. „Если формуляры,—говоритъ англичанинъ Bowley,—должны быть заполнены населеніемъ, то вопросы должны быть гораздо проще по существу и по формѣ, чѣмъ если они заполняются офиціальнымъ органомъ“,—агентомъ статистической организаціи: въ послѣднемъ случаѣ можно ставить „такіе вопросы, которые, если отвѣчать предоставлено невѣжественному населенію, вызовутъ со стороны большинства лишь неопредѣленные отвѣты; ибо офиціальный переписной органъ будетъ настаивать на опредѣленныхъ отвѣтахъ, сможетъ исключить явно невѣрное и продолжать перекрестный опросъ до тѣхъ поръ, пока неопредѣленные отвѣты примутъ видъ, пригодный для подсчета“. И соображенія эти отнюдь не утрачиваютъ своего значенія даже при всеобщемъ распространеніи грамотности и при высшей, какая только мыслима, общей культурности населенія: можно быть хорошо грамотнымъ и даже интеллигентнымъ человѣкомъ, и все-таки не быть въ состояніи разобраться въ вопросахъ сложнаго статистическаго формуля-

ра, гдѣ каждое слово и каждый оттѣнокъ въ постановкѣ вопроса имѣютъ свое значеніе, и гдѣ малѣйшая неточность или неясность въ изложеніи отвѣта на вопросъ можетъ сдѣлать отвѣтъ непригоднымъ для разработки.

Очевидно при такихъ обстоятельствахъ, что широта программъ нашихъ хозяйственныхъ переписей земскаго типа должна была явиться не менѣе важнымъ противопоказаніемъ противъ организаціи этихъ переписей на началахъ самосчисленія и аргументомъ въ пользу опроснаго способа, нежели безграмотность нашихъ народныхъ массъ. „Лишь при этомъ (опросномъ) способѣ,—говоритъ покойный А. И. Чупровъ,—возможны сколько-нибудь сложныя изслѣдованія надъ явленіями народныхъ массъ; при недостаточномъ (и какъ мы видѣли, даже при достаточномъ. А. К.) распространеніи просвѣщенія въ народѣ бланковымъ способомъ возможно было бы получать только самыя элементарныя данныя, тогда какъ черезъ спеціалистовъ могутъ быть осуществлены подробнѣйшія изслѣдованія, вродѣ, напримѣръ, тѣхъ всесторонникъ анализовъ хозяйства, которые производятся теперешними земствами“. Хозяйственныя переписи—мы уже знаемъ—производились и производятся земскими статистиками по чрезвычайно сложнымъ программамъ, не имѣющимъ себѣ подобныхъ въ западно-европейской статистической практикѣ; при этихъ переписяхъ производится не только простой перечетъ элементарныхъ признаковъ крестьянскаго хозяйства, но ставятся гораздо болѣе тонкіе вопросы, проникающіе, такъ сказать, въ самую глубь крестьянскаго хозяйства,—вопросы, требующіе соображенія, взаимнаго согласованія, нерѣдко припоминанія за болѣе или менѣе значительный періодъ времени; самая тонкость такого рода вопросовъ весьма легко можетъ привести къ различному пониманію или къ совершенному непониманію многихъ изъ нихъ, разъ отвѣчать на нихъ приходится лицамъ, незнакомымъ съ задачами и постановкой данной статистической операціи. Отсюда необходимость непосредственнаго участія агентовъ статистической организаціи въ самомъ процессѣ выработки отвѣтовъ, мыслимаго только при способѣ опроса. Роль этихъ агентовъ-регистраторовъ становится весьма важною и отвѣтственною. Регистраторъ долженъ поставить каждый вопросъ удобопонятнымъ для отвѣчающаго образомъ, навести опрашиваемаго на соотвѣтствующій смыслу вопроса отвѣтъ, подмѣтить всякую случайную или намѣренную неточность въ показаніяхъ, добиться взаимной согласованности въ отвѣтахъ на отдѣльные вопросы или выяснить причины несогласованности и т. п. Роль наблюдателя при такой постановкѣ дѣла не пассивная и не механическая, какъ при самосчисленіи, а въ значительной мѣрѣ творческая: онъ не просто воспринимаетъ и записываетъ даваемые опрашиваемыми отвѣты, но комбинируетъ ихъ между собой, провѣряетъ и исправляетъ тѣми способами, о которыхъ частью была, частью еще будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Само собою разумѣется, что описанная только что постановка дѣла предъявляетъ высокія требованія даже къ низшимъ агентамъ статистической организаціи: отъ регистратора требуется извѣстная степень пониманія тѣхъ сторонъ народной жизни, которыхъ приходится касаться, навыкъ въ довольно сложныхъ пріемахъ опроса и—едва ли не главное—интересъ къ дѣлу, отсутствіе котораго при такого рода постановкѣ дѣла ничѣмъ не вознаградимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ сказаннаго вытекаетъ необходимость такой, такъ сказать, рабочей организаціи переписи, которая гарантировала бы какъ быструю и строго однообразную выучку регистраторовъ, такъ и непрерывный контроль надъ точнымъ, опять-таки строго однообразнымъ и добросовѣстнымъ соблюденіемъ всѣхъ детальныхъ требованій регулирующихъ ходъ опроса инструкцій и программъ; лишь при наличности такой организаціи можетъ быть достигнуто то однообразіе въ формулировкѣ вопросовъ и отвѣтовъ, а также въ примѣненіи соотвѣтственныхъ методовъ внутренней ихъ провѣрки, при наличности котораго только и мыслима необходимая однородность и удобосравнимость добытаго статистическаго матеріала. Не входя въ болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ, хотя и весьма важныхъ, сторонъ дѣла, остановимся на непосредственно вытекающемъ изъ сказаннаго существенномъ послѣдствіи, касающемся одного изъ основныхъ, предъявляемыхъ къ всякаго рода переписямъ, требованій статистической методологіи,—именно требованія *однодневности*. Сущность этого требованія извѣстна: всякая перепись имѣетъ цѣлью дать какъ бы моментальную фотографію, схватить непрерывно движущееся массовое явленіе какъ бы въ состояніи покоя; но это достижимо лишь въ томъ случаѣ, если фотографія дѣйствительно будетъ моментальна, если всѣ записи будутъ пріурочены къ кратчайшему моменту—дню или даже часу—и всѣ переписныя операціи будутъ закончены въ самый короткій промежутокъ времени, не превышающій, въ видѣ правила, немногихъ дней; такая однодневность—единственный способъ избѣгнуть пропусковъ и двойныхъ записей, слѣдовательно, подвергнуть подлежащее переписи массовое явленіе дѣйствительно точному учету. Земскія переписи *не однодневны* и не стремятся къ однодневности. Перепись уѣзда растягивается на цѣлое лѣтнее полугодіе, съ перерывами на время спѣшныхъ полевыхъ работъ. Перепись губерніи, въ видѣ правила, затягивается на нѣсколько, иногда на довольно много, лѣтъ; первый случай, когда хозяйственная перепись крупной территоріи была закончена въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ *одного* года,—это была произведенная въ 1897 году перепись Забайкальской области; нѣсколько позднѣе, въ 1900 году, въ четыре мѣсяца была закончена повторная перепись гораздо болѣе крупной по населенности территоріальной единицы—Полтавской губерніи.

Какъ уже было упомянуто, такое игнорированіе нашею земскою ста-

тистикою начала однодневности стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ тѣми ея болѣе принципіальными особенностями, о которыхъ мы говорили раньше. Эти особенности въ программномъ отношеніи — сложность и детальность программъ, въ технически-организаціонномъ—господство опроснаго способа полученія показаній. А между тѣмъ, — какъ справедливо замѣчаетъ все тотъ же, уже многократно цитированный авторъ,—„существенное условіе хорошо поставленной и удачно проведенной однодневной переписи заключается, во-первыхъ, въ возможно меньшемъ количествѣ признаковъ, подлежащихъ регистраціи, во-вторыхъ, въ строгой опредѣленности понятій объ этихъ признакахъ"; однодневность, значитъ, имѣетъ своею необходимою предпосылкой строгое соблюденіе второго правила Кетле, въ приданномъ ему позднѣйшими теоретиками ограничительномъ толкованіи: только при такихъ условіяхъ можетъ справиться съ дѣломъ та армія—тѣ десятки тысячъ набранныхъ „съ борку да съ сосенки" счетчиковъ,—какая нужна для однодневнаго выполненія переписи. „Чѣмъ больше признаковъ,—продолжаетъ г. Щербина,—и чѣмъ неопредѣленнѣе и растяжимѣе понятіе о нихъ, тѣмъ, разумѣется, должно быть значительнѣе различіе и въ пониманіи, и въ статистическомъ оформленіи ихъ. При небольшомъ количествѣ регистраторовъ, работающихъ вмѣстѣ и одновременно, такія различія легко устранимы и допускаютъ свободно всякія исправленія какъ во время переписи, такъ и при повѣркѣ матеріаловъ, по окончаніи регистраціи за каждый день"; и что особенно важно—тѣмъ тщательнѣе можетъ быть качественный подборъ регистрирующаго персонала, а распредѣленіе работы на продолжительное время—мѣсяцы и даже годы—даетъ возможность какъ практической выучки лицъ, вступающихъ въ составъ статистической организаціи съ малымъ знакомствомъ или безъ всякаго знакомства съ нелегкою практикою регистраціи, такъ и сформированія постояннаго руководящаго и контролирующаго персонала, хорошо знакомаго и съ техникою дѣла, и съ мѣстными условіями, съ которыми приходится считаться при веденіи статистическаго опроса.

Въ не менѣе существенной связи съ изложеннымъ выше стоитъ и еще одна особенность хозяйственныхъ переписей земскаго типа. При переписи, организованной по обычному западно-европейскому образцу, счетчики *обходятъ дома* и квартиры какъ для врученія, такъ и для обратнаго полученія статистическихъ формуляровъ. Переписи земскаго типа хотя и называются „подворными", но совершаются *не* по дворамъ; агенты статистической организаціи не дѣлаютъ обхода дворовъ села или деревни, а производятъ опросъ на сходѣ или сборѣ, на который созываются всѣ дворохозяева. Предпочтеніе этого порядка веденія подворнаго опроса основывается прежде всего на соображеніяхъ экономіи времени: „хожденіе регистраторовъ по дворамъ,—говоритъ Ф. А. Щер-

бина.—совсѣмъ не практиковалось по причинѣ крайняго замедленія работъ, такъ какъ регистратору пришлось бы затрачивать массу времени на переходы, на установку стола, на возню съ карточками и пр., въ особенности же на разъясненіе въ каждомъ дворѣ того, что требовалось отъ крестьянъ и что могло быть сразу разъяснено всѣмъ домохозяевамъ, собраннымъ въ одно мѣсто", на сходѣ или сборѣ. Экономія времени, создаваемая работою на сходѣ, идетъ и еще дальше: „когда опросъ каждаго домохозяина,—говоритъ другой видный представитель нашей земской статистики, проф. Н. А. Каблуковъ [1]),—производится въ присутствіи другихъ, то не происходитъ никакого перерыва между опросомъ одного и другого; одинъ за другимъ тотчасъ же приближаются къ столу и даютъ отвѣты; это уже сберегаетъ много времени сравнительно съ обходомъ отдѣльныхъ дворовъ. Кромѣ того, продолжаетъ проф. Каблуковъ, отвѣтить на многіе вопросы можно, лишь припомнивъ тѣ или другія обстоятельства"; при обходѣ по дворамъ регистраторъ долженъ былъ бы въ каждомъ дворѣ терять то время, какое требуется для такого припоминанія. При работѣ на сходѣ, „по мѣрѣ того какъ опрашивается одинъ, другіе припоминаютъ касающееся ихъ и—когда до нихъ дойдетъ очередь—уже не задерживаютъ статистика отвѣтомъ". Нѣсколько ниже мнѣ придется говорить о работѣ на сходѣ, какъ средствѣ контроля достовѣрности даваемыхъ показаній. Но даже и независимо отъ *контролирующей* роли схода, большую роль играетъ въ данномъ случаѣ *простая подражательность*. При регистраціи на сходѣ, напримѣръ, „достаточно указать одному хозяину присутствіе того или другого, иногда самаго мелкаго, промысловаго занятія, чтобы оно систематически регистрировалось затѣмъ по всѣмъ остальнымъ хозяйствамъ..." И что не менѣе важно—опросъ на сходѣ обезпечиваетъ опрашиваемымъ помощь, сотрудничество сосѣдей и вообще односельчанъ при припоминаніи и комбинированіи отвѣтовъ: „обычнымъ способомъ оказанія помощи затруднявшимся въ отвѣтахъ (а такихъ затрудняющихся, въ особенности при сложной программѣ опроса, всегда немало. А. К.) былъ обыкновенно совѣтъ. Крестьянинъ или крестьянка, подготовляясь къ отвѣту, высчитывали иногда по пальцамъ составъ семьи, количество скота и пр. Затрудняясь въ томъ или иномъ случаѣ, такія лица подходили къ болѣе или менѣе толковымъ сосѣдямъ и спрашивали совѣта, какъ имъ выйти изъ того или другого затрудненія; начинался совмѣстный учетъ хозяйственныхъ признаковъ, сосѣдъ выяснялъ сомнительныя обстоятельства, подсчитывалъ разрозненныя данныя и въ концѣ-концовъ устанавливалъ тѣ или другіе отвѣты. Сотрудничество крестьянъ въ этой формѣ,—говоритъ Ф. А. Щербина,—рѣзко бросалось въ глаза и легко под-

[1]) Введеніе къ посем. таблицамъ повторнаго изслѣдованія Московской губ.

мѣчалось регистраторами". Сотрудничество это проявляется еще и въ другой формѣ: непосредственнаго вмѣшательства, внесенія поправокъ и дополненій въ даваемыя регистратору показанія. Отвѣчающій, отецъ многочисленнаго семейства, запутался въ счетѣ дѣтей,—„а Гараньку-то забылъ!"—подсказываетъ ему сосѣдъ; у него оказывается нехватка въ посѣвной площади,—изъ кучи собравшихся ему напоминаютъ о нѣсколькихъ десятинахъ гдѣ-нибудь „въ дальнемъ польцѣ" или на землѣ, снятой у сосѣда; онъ не можетъ свести своего приходо-расхода,—„а на Рождество,—подсказываетъ ему кто-нибудь,—два воза ржи на базаръ отвезъ", и т. д. Здѣсь *помощь* схода опять-таки соприкасается *съ контролемъ*, на которомъ мы теперь и остановимся ближе.

Статистическая методологія требуетъ, чтобы въ регистрацію вводились только такіе признаки, „которые очевидны и несомнѣнны и наличность которыхъ легко можетъ быть повѣрена"; чтобы въ программу массоваго наблюденія вводились только признаки „внѣшніе, легко распознаваемые, относящіеся къ настоящему, а изъ относящихся къ прошлому такіе, которые сохраняли видимый слѣдъ въ настоящемъ"; признаки, по своей совершенной конкретности „избавляющіе наблюдателя отъ произнесенія сужденія о предметѣ наблюденія". При подворныхъ переписяхъ земскаго типа регистраціи подвергается огромное количество разнообразнѣйшихъ признаковъ, изъ которыхъ многіе, по признанію такого компетентнаго судьи, какъ Ф. А. Щербина, „неопредѣленны и растяжимы"; во многихъ случаяхъ, въ частности во всѣхъ вопросахъ бюджетнаго или приходо-расходнаго характера, требуется припомнить факты, имѣвшіе мѣсто за цѣлый годъ назадъ и не оставившіе за собою никакого „видимаго слѣда". И вотъ, естественно возникаетъ сомнѣніе, не представляютъ ли собою всѣ эти подробнѣйшія программы простого „статистическаго разврата"? не слѣдуетъ ли признать попытки земскихъ статистиковъ проникнуть въ тайники хозяйственной жизни крестьянъ за простое покушеніе съ негодными средствами, а вышущенныя земскими статистиками горы цифрового матеріала—за простую „филькину грамоту", лишенную внутренней достовѣрности? И такія сомнѣнія тѣмъ болѣе законны, что вѣдь наши народныя массы стоятъ на низшемъ уровнѣ умственнаго развитія, чѣмъ въ какой-либо изъ западно-европейскихъ странъ,— что, слѣдовательно, о сознательномъ отношеніи населенія къ дѣлу статистическаго наблюденія, о пониманіи истинныхъ его цѣлей и задачъ не можетъ быть и рѣчи. А между тѣмъ это пониманіе, это сознательное отношеніе признается статистическою методологіей за одно изъ существеннѣйшихъ условій успѣха всякаго статистическаго наблюденія.

Опытъ нашей земской статистики, прежде всего, заставляетъ сдѣлать нѣкоторыя существенныя оговорки къ формулированному только что по-

ложенію. Наша земская статистика, правда, вмѣняетъ своимъ агентамъ въ обязанность разъяснять населенію цѣли и смыслъ предстоящаго статистическаго опроса. Нельзя скрывать отъ себя однако, что такое разъясненіе—дѣло чрезвычайно трудное, и притомъ *тѣмъ болѣе трудное, чѣмъ развитѣе тѣ, кто выслушиваетъ разъясненія.* Никакими разъясненіями нельзя заставить даже хорошо грамотнаго крестьянина усвоить себѣ научный смыслъ массоваго наблюденія; а главное—никакими разъясненіями нельзя устранить того несомнѣннаго, въ сущности, факта, что крестьянину и цѣлому крестьянскому обществу такъ-таки *выгодно* или можетъ оказаться выгоднымъ давать невѣрныя показанія, преуменьшать размѣры своей земельной обезпеченности и своего имущественнаго благосостоянія, ибо ихъ показанія, безъ всякаго сомнѣнія, *могутъ* отразиться на размѣрахъ обложенія, повліять на исходъ тѣхъ или другихъ земельныхъ ходатайствъ, предрѣшить размѣръ продовольственной помощи и т. п. Разъясненія, даваемыя регистраторомъ, вообще его предварительныя бесѣды со сходомъ, дѣйствительно, могутъ сильно повліять на отношеніе схода къ статистическому опросу и создать благопріятное для успѣшности опроса настроеніе; „собранный матеріалъ,—говоритъ Н. А. Каблуковъ,—даетъ массу фактовъ и указаній такого рода, которые прямо удостовѣряютъ, что населеніе относилось вполнѣ довѣрчиво къ статистикамъ и не утаивало того, что легко было бы утаить и что, съ извѣстной точки зрѣнія, оно должно было бы желать утаить"; достаточно упомянуть о нерѣдкихъ случаяхъ, гдѣ крестьяне откровенно разсказывали статистикамъ о производимыхъ ими въ казенномъ или владѣльческомъ лѣсу самовольныхъ порубкахъ, а при подворномъ опросѣ давали точныя показанія о количествѣ самовольно нарубленнаго лѣса. „Можно привести и другіе примѣры вполнѣ откровенныхъ, правдивыхъ отвѣтовъ по вопросамъ довольно щекотливаго свойства,—отвѣтовъ, свидѣтельствующихъ о довѣріи населенія къ статистикамъ,—свидѣтельствующихъ о томъ, что намѣренное сокрытіе или искаженіе истины если не рѣдкое исключеніе, то отнюдь не общее правило даже и тамъ, гдѣ съ увѣренностью слѣдовало бы ожидать такого сокрытія или искаженія". Но если статистикамъ сплошь и рядомъ приходится встрѣчаться съ такого рода безусловно благопріятнымъ настроеніемъ,—и если въ созданіи такового играютъ извѣстную роль даваемыя регистраторами, предъ началомъ опроса, разъясненія, то здѣсь вліяетъ не столько дѣйствительная внутренняя убѣдительность приводимыхъ аргументовъ, сколько тонъ, въ какомъ даются разъясненія,—вліяетъ, такъ сказать, гипнотизмъ „хорошихъ словъ", и часто одно удачно брошенное слово, намекъ или острота, даже внѣшній видъ разъясняющаго, дѣлаютъ гораздо больше, чѣмъ самая обстоятельная и объективно-правильная аргументація. Обстоятельность послѣдней является даже обоюдоострымъ

оружіемъ. Уже въ самыхъ раннихъ по времени статистическихъ работахъ—сошлюсь хотя бы на извѣстный курскій сводный сборникъ—мы находимъ опредѣленныя указанія на то, что подробныя разъясненія не только не достигаютъ цѣли,—они, сплошь и рядомъ, только запутываютъ крестьянъ и способствуютъ возникновенію въ нихъ тѣхъ самыхъ опасеній и того самаго недовѣрія, которыя они имѣютъ цѣлью устранить,—въ виду чего многіе статистики уже въ то время предпочитали обходиться такими краткими и, въ сущности, ничего не разъясняющими „разъясненіями“ какъ „для свѣдѣнія“, „для справокъ“ и т. п. Такія „разъясненія“, очевидно, не могли создать въ населеніи „сознательнаго“ отношенія къ статистическому опросу, но они, по крайней мѣрѣ, не будили лишнихъ подозрѣній и производили успокоительное впечатлѣніе на населеніе. Въ такого рода разъясненіяхъ,—замѣчаетъ Ф. А. Щербина,—„не было ничего, къ чему могла бы привязаться фантазія и разукрасить затѣмъ въ причудливыхъ очертаніяхъ; короткіе отвѣты о „свѣдѣніяхъ“ и „справкахъ“ какъ эхо разносились въ населеніи и всѣ почему-то успокоивались, мирились съ обыкновеннымъ характеромъ переписи“...

Итакъ, указанія русской статистической практики по вопросу собственно о пониманіи цѣлей регистраціи, о сознательномъ отношеніи къ задачамъ массоваго наблюденія, какъ объ условіяхъ успѣшности послѣдняго, имѣютъ обоюдоострый характеръ; такое отношеніе, въ сущности, недостижимо, а поскольку оно достижимо—не всегда полезно для успѣха дѣла. Гарантій правильности показаній практика земскихъ переписей ищетъ въ другихъ направленіяхъ. Прежде всего, статистикъ долженъ *импонировать* населенію, внушить крестьянамъ убѣжденіе, что его, регистратора, провести не такъ легко. А для этого уже изъ самой постановки регистраторами вопросовъ должно быть „видно, что они условія мѣстной жизни и, главнымъ образомъ, крестьянской знаютъ, такъ что въ случаѣ невѣрности показаній нерѣдко и сами могутъ изобличить въ томъ“ (Н. А. Каблуковъ). Такое впечатлѣніе, до извѣстной степени, создается уже при наличности у регистратора хотя бы только извѣстныхъ общихъ свѣдѣній объ условіяхъ быта и хозяйства въ данной мѣстности и при умѣніи его ставить вопросы въ понятныхъ для крестьянъ выраженіяхъ,—уже одно это порождаетъ въ крестьянахъ мысль, что статистикъ—не городской чиновникъ, готовый повѣрить всякой небылицѣ. Но этого, конечно, мало, и, чтобы усилить впечатлѣніе „всевѣдѣнія“ статистика, земская статистическая практика выработала нѣкоторые спеціальные, искусственные пріемы. Существо послѣднихъ въ томъ, что статистики до начала опроса, по возможности даже до пріѣзда въ подлежащее регистраціи селеніе, стараются запастись кой-какими свѣдѣніями какъ объ общихъ усло-

віяхъ землевладѣнія и хозяйства въ данномъ селеніи (размѣръ надѣла, почва, урожаи послѣднихъ лѣтъ, промыслы, разные особые случаи въ родѣ пожаровъ и т. п.), такъ и объ отдѣльныхъ домохозяевахъ, въ томъ или другомъ отношеніи выдающихся изъ общаго уровня,—особенно богатыхъ, скупщикахъ, ростовщикахъ, переарендовщикахъ и т. п., съ тѣмъ чтобы затѣмъ, грубо выражаясь, „щегольнуть" этими свѣдѣніями въ самомъ началѣ переписи или поселеннаго опроса. Для этого стараются къ самому началу переписи въ селеніи пріурочить опросъ кого-нибудь изъ такихъ „примѣчательныхъ" домохозяевъ, и при этомъ либо самою постановкою вопросовъ, либо замѣчаніями по поводу даваемыхъ отвѣтовъ дать понять, что спрашивающій уже знаетъ *очень* многое изъ того, о чемъ онъ спрашиваетъ. Если, наприм., крупнаго хозяина капиталистическаго типа прямо спросить: „сколько держишь батраковъ"; скупщика—„много ли хлѣба закупилъ за прошлый годъ"; переарендовщика—сколько земли „окортомилъ" въ такой-то деревнѣ или у такого-то помѣщика; если перебить показаніе скрывающаго запашку богатея замѣчаніемъ вродѣ: „а про запашку у такого-то помѣщика забылъ?", или: „ты мнѣ напрасно не разсказывай, у тебя въ посѣвѣ не меньше 30 десятинъ, а то и всѣ 40",—то это производитъ такое впечатлѣніе на весь сходъ, что большинство уже не пытается вводить статистика въ обманъ,—„ему, молъ, и безъ насъ про все извѣстно"...

Громадной помощью при этомъ является, конечно, та взаимная внутренняя повѣрка отвѣтовъ на отдѣльные вопросы, о которой намъ уже приходилось говорить. Она позволяетъ регистратору импонировать опрашиваемымъ даже и тогда, когда у него нѣтъ индивидуальныхъ свѣдѣній собственно о нихъ. Разнообразные элементы крестьянскаго хозяйства стоятъ между собой въ извѣстномъ соотношеніи, а потому отдѣльныя части индивидуальнаго показанія, если оно правильно, должны обнаружить опредѣленную соразмѣрность. Напротивъ, невѣрное показаніе, почти неизбѣжно, само собою обнаруживается несообразностью, несогласованностью отвѣтовъ: остается непонятнымъ, зачѣмъ опрашиваемый держитъ столько-то лошадей, для которыхъ не оказывается работы; какъ онъ использовалъ свою рабочую силу, для которой показанный въ преуменьшенномъ размѣрѣ посѣвъ не даетъ достаточнаго приложенія; зачѣмъ онъ покупалъ сѣно, когда на невѣрно показанное количество скота съ избыткомъ хватило бы и своего сѣна; куда дѣвался лишній хлѣбъ, разъ опрашиваемый отрицаетъ фактъ продажи, а между тѣмъ въ своемъ хозяйствѣ ему некуда было истратить собраннаго хлѣба. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ статистикъ съ полною увѣренностью можетъ заявить опрашиваемому, что его показаніе невѣрно, что у него навѣрно не меньше столькихъ-то десятинъ посѣва или столькихъ-то лошадей, что онъ навѣрно продалъ или имѣетъ въ скирдахъ не менѣе столькихъ-

то пудовъ хлѣба, что онъ навѣрно кромѣ земледѣлія имѣетъ какой-нибудь конный промыселъ и т. п. Удачно сдѣланныя, такія поправки производятъ, можетъ быть, еще болѣе ошеломляющее впечатлѣніе и окончательно укрѣпляютъ въ средѣ схода убѣжденіе, что статистика не проведешь, потому что „ему и безъ насъ про все извѣстно".

Очевидно, что въ данномъ случаѣ вопросъ о благопріятномъ для хода переписи психическомъ воздѣйствіи на опрашиваемыхъ также непосредственно соприкасается съ вопросомъ о внутренней повѣркѣ даваемыхъ показаній, о повѣркѣ ихъ достовѣрности. Этого вопроса мы уже касались, говоря о значеніи расширенныхъ программъ. Намъ остается только повторить, что лучшимъ орудіемъ для такого рода повѣрки—для уловленія несообразныхъ съ дѣйствительностью показаній и для полученія правильныхъ отвѣтовъ—является именно *расширенная и углубленная программа* переписи, обнимающая связную систему взаимно-повѣряющихся вопросовъ; при такомъ характерѣ программы статистикъ-регистраторъ всегда можетъ начать опросъ съ пунктовъ, гдѣ опрашиваемый не увидитъ никакого повода преуменьшать свои показанія, а затѣмъ уже та внутренняя логика, которая связываетъ между собой отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства, *заставитъ* его—можетъ быть, вопреки его первоначальнымъ намѣреніямъ—либо дать правильныя показанія и по остальнымъ пунктамъ программы, либо, по крайней мѣрѣ, обнаружить намѣренную невѣрность показаній.

Не менѣе важное значеніе, въ числѣ гарантій достовѣрности получаемаго при земскихъ хозяйственныхъ переписяхъ статистическаго матеріала, имѣетъ, наконецъ, и *контроль схода*. „При опросѣ въ присутствіи другихъ домохозяевъ даннаго селенія,—говоритъ Н. А. Каблуковъ,—контроль заключается, именно, въ ихъ присутствіи. Предъ ними правду утаить неловко, да и нельзя,—всегда кто-нибудь найдется, кто напомнитъ о ней тутъ же". Случается, правда, что сходъ заранѣе сговаривается „другъ дружку не выдавать", и въ такихъ случаяхъ регистраторъ оказывается почти безсильнымъ; самое большее, что онъ можетъ сдѣлать,—это констатировать внутреннюю несообразность, а слѣдовательно, лживость показаній. Но такого рода случаи встрѣчаются сравнительно рѣдко, въ видѣ правила же съ подобными предвзятыми рѣшеніями не приходится считаться, и контроль схода надъ показаніями оказываетъ статистику очень важныя услуги. Особенно дѣйствителенъ этотъ взаимный контроль въ томъ весьма обыкновенномъ случаѣ, когда въ средѣ собравшихся для опроса представлены различныя, плохо между собою уживающіяся группы населенія: малочисленные деревенскіе богатеи и многочисленная бѣднота; сторонники и противники передѣла; православные и сектанты, казаки и „посполитые", въ казачьей станицѣ—коренное казачество и безправные „иногородніе"; въ переселенче-

скомъ поселкѣ—причисленные и непричисленные, „кацапы“ и „хохлы“; въ сибирской деревнѣ—старожилы, ссыльно-поселенцы и непричисленные новоселы. При такого рода обстоятельствахъ можно быть увѣреннымъ, что бѣднота будетъ выводить на свѣжую воду богатеевъ, иногородніе—казаковъ, ссыльно-поселенцы—старожиловъ и т. п., а затѣмъ тотъ, кто самъ былъ изобличенъ въ невѣрныхъ показаніяхъ, съ особымъ рвеніемъ будетъ выводить на свѣжую воду другихъ: вы, молъ, на меня наговорили, такъ и сами зря не разсказывайте...

Итакъ, психическое воздѣйствіе на опрашиваемыхъ—внутренняя повѣрка показаній, вытекающая изъ взаимной связи отдѣльныхъ сторонъ крестьянскаго хозяйства—контролирующее участіе схода,—таковы важнѣйшія звенья той сложной системы мѣръ, которая выработана земскою статистическою практикой въ цѣляхъ полученія достовѣрнаго статистическаго матеріала. И въ конечномъ результатѣ, несомнѣнно, достигается если не полная точность, которая недостижима, вообще, ни при какомъ статистическомъ наблюденіи, то во всякомъ случаѣ высокая степень достовѣрности получаемаго матеріала; и если среди послѣдняго остаются неисправленныя и неотмѣченныя невѣрныя показанія, то такихъ показаній—ничтожное меньшинство, которое при массовомъ подсчетѣ теряется и растворяется среди подавляющаго большинства вѣрныхъ показаній. Это—убѣжденіе, къ которому неизбѣжно приводитъ опытъ веденіи статистическихъ переписей земскаго типа,—убѣжденіе, подкрѣпляемое въ особенности внутреннею взаимною повѣркою получающихся статистическихъ цифръ, взаимною согласованностью отдѣльныхъ частей получающейся изъ подсчета индивидуальныхъ показаній общей картины,—согласованностью, которая была бы немыслима въ случаѣ преобладанія или хотя бы даже только изобилія искажающихъ дѣйствительность показаній.

На этомъ я заканчиваю обзоръ методологическихъ особенностей нашихъ хозяйственныхъ переписей земскаго типа,—тѣхъ особенностей, которыя, по высказанному мною въ началѣ этого очерка убѣжденію, существенно обогащаютъ общую статистическую методологію. Я отнюдь не хочу сказать этимъ, что тѣ указанія русской земской статистической практики, о которыхъ была рѣчь, должны или могутъ быть цѣликомъ восприняты статистическою теоріей. Очень многое въ практикѣ нашихъ земскихъ изслѣдованій приходится признать недостаточно установившимся; въ смыслѣ детальности программъ мы встрѣчаемъ, хотя бы въ работахъ того же, руководимаго Ф. А. Щербиною, воронежскаго бюро, немало преувеличеній, съ другой же стороны среди земскихъ статистиковъ имѣется немало представителей болѣе скептическаго отношенія къ возможностямъ статистическаго опроса, чѣмъ какого держится

пишущій эти строки. Съ другой стороны, остается открытымъ вопросъ, въ какой мѣрѣ выработанные въ русскихъ условіяхъ методологическіе пріемы примѣнимы въ условіяхъ западно-европейскихъ странъ; очень можетъ быть, что происходящее при земскихъ переписяхъ „залѣзаніе въ душу“ возможно лишь въ виду привычки нашего крестьянина къ пассивному повиновенію и встрѣтило бы рѣшительное сопротивленіе со стороны привыкшаго оберегать свой home отъ всякаго вторженія англійскаго гражданина; трудно сказать, насколько удались бы, въ западно-европейскихъ условіяхъ, и тѣ пріемы перекрестнаго допроса, которые въ рукахъ нашихъ земскихъ статистиковъ являются важнѣйшею гарантіей доброкачественности собираемаго статистическаго матеріала. Но игнорировать указаній русской статистической практики статистическая методологія не можетъ и не должна,—они, несомнѣнно, даютъ матеріалъ для существенныхъ дополненій и поправокъ къ ея чрезмѣрно схематичнымъ, основаннымъ на слишкомъ одностороннемъ опытѣ, положеніямъ.

А. Кауфманъ.

